

КАМЕРТОН ПАМЯТИ

АЛИНДА ИВЛЕВА

Алинда Ивлева

Камертон памяти

«Автор»

2026

Ивлева А.

Камертон памяти / А. Ивлева — «Автор», 2026

Аннета Клэр - генеалог, получает новое дело: необходимо отыскать родственников умершего старика, живущего последние 30 лет затворником. После себя он оставил лишь дом с протекающей крышей, несколько разобранных на запчасти старинных пианино и тетрадь с записями, в которой не хватало несколько страниц. Аннета берется за сложное расследование, ведь на кладбище старика она находит клавишу со своим именем.

© Ивлева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фекан	5
Глава 2. Маркус	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алинда Ивлева

Камертон памяти

Глава 1. Фекан

Море в Фекане никогда не бывает синим. Если кто-то скажет вам обратное, значит, он приезжал сюда в июле, пробыл часа три, съел галету с солёным маслом в кафе у порта и поспешил к поезду на Париж.

Воды Ла-Манша цвета старого, потемневшего от сырости цинка. Иногда, когда ветер с севера разгонял тяжёлую взвесь облаков, залив приобретал оттенок брюшка дохлой сельди — тусклый, серебристо-серый, с едва заметными зеленоватыми бликами.

Аннета остановила машину на самом краю обрыва, там, где асфальт переходил в разбитую грунтовку, поросшую жёстким, просоленным дроком. Щётки старого «Пежо» с натужным визгом размазывали по лобовому стеклу мелкую водяную пыль. Местные называют её *crachin* — липкая морось. Она висела в воздухе, забиваясь под воротник, пропитывая пальто и оседая на ресницах солёными каплями.

Она выключила зажигание. Мотор несколько раз дёрнулся и затих. Сразу донёсся голос Ла-Манша. Внизу, метрах в пятидесяти, море с тяжёлыми всхлипами ворочало миллиарды серых кремней, ш-ш-р-р-х-х, Этот шорох гальки въедался в уши каждому, кто родился в Фекане, оставаясь внутри навсегда, даже если человек переезжал в засушливую часть Африки.

Аннета с сочувствием посмотрела на свои пальцы, лежащие на руле, на коротко остриженные ногти без маникюра. Лак наносила в последний раз года три назад. На среднем пальце правой руки — застарелая мозоль от архивных папок и перьевой ручки — результат того, что проживая тысячи чужих забыла напрочь о своей. Но Аннета ни о чем не жалела, Генеалогии искали и будут искать сотни лет после корни тех, кто хотел казаться благороднее, богаче или значимее, чем они есть.

И Аннете нравилась работа, к тому же хорошо платили за то, чтобы она копалась в прахе.

В этот раз заказ пришёл от нотариальной конторы «Дюпон и сыновья». Перед поездкой изучила скан казённого письма на гербовой бумаге: «Уважаемая мадемуазель Клэр! В связи с кончиной господина Жана-Люка Шавеля и отсутствием прямых наследников первой очереди, просим вас провести архивное расследование с целью установления...»

Жан-Люк Шавель. Настройщик пианино. Местный сумасшедший, который последние тридцать лет жил в полуразрушенном доме на окраине, у самого устья реки Валонь, впадающей в гавань.

Аннета вышла из машины. Ветер тут же ударил в грудь, пахло гниющими водорослями, дизельным топливом из порта и запахом тресковой муки, въевшегося в кирпичные стены Фекана ещё со времён, когда отсюда уходили шхуны на Ньюфаундленд. Она накинула капюшон жёлтого непромокаемого плаща — здесь все носили такие, делая людей похожими на канареек, выброшенных на берег штормом, — и спустилась на улочку города.

Дом Жана-Люка стоял на отшибе, зажатый между глухой стеной заброшенного рыбного склада и меловым склоном, каждую зиму понемногу осыпающегося, хороня под собой сараи и огороды.

Аннета подошла к калитке, едва дотронулась до разъеденного временем железа, как та пронзительно заскрипела, и этот звук показался слишком громким, почти неприличным в сонной тишине заброшенной окраины. Она поморщилась и прошла в небольшой дворик.

На пороге дома уже ждала мадам Жервез, соседка, с ней Аннета общалась накануне, сидела на перекошенном пластиковом стуле под козырьком крыльца, пряча руки в рукава заносенного флисового жакета. Рядом стояло ведро с плавающей грязной тряпкой, Аннета поморщилась, ветошь в мутной воде напомнила дохлую медузу. Даже вздрогнула, с детства ненавидела этих тварей.

Мадам Жервез не двигалась, будто старая цапля, застывшая на мелководье в ожидании отлива. Ее лицо, изрезанное глубокими, словно трещины в меловых скалах, морщинами, было абсолютно непроницаемым. У всех, кто всю жизнь прожил у большой воды такие застывшие лица-маски: море вымывает из людей лишнюю мимику.

— Вы из конторы? — спросила она скрипучим, прокуренным дешёвым «Житаном» голосом.

— Аннета Клэр, — она протянула руку, но мадам Жервез лишь скользнула по её пальцам равнодушным взглядом и спрятала ладони глубже в рукава. — Я занимаюсь наследственным делом господина Шавеля. Нотариус Дюпон передал мне ключи, сказал, что вы присматривали за домом последние недели.

— Присматривала, — старуха сплюнула в сторону кустов ежевики. — Сидела тут, чтобы мальчишки не побили стёкла. Жан-Люк терпеть не мог шума. — Резко сменила тему мадам, — когда они орали под окнами, он часами лупил, бам-бам-бам, по клавишам. — Она поднялась с хрустом в суставах. — Мадемуазель, этот дом проклят, — понизив голос, сообщила мадам.

— В каком смысле? — насторожилась Аннета, хотя за свою долгую практику наслушалась страшилок.

— Не-е-т, не в том смысле, что здесь бродят призраки, о-о, я слишком стара, чтобы верить в сказки. Это для туристов, — она подмигнула гостье. — Он проклят тишиной. Жан-Люк унес ее, мир его праху. Внутрь я с тех пор и не заходила.

Она сделала шаг в сторону, освобождая проход к тяжелой дубовой двери, потемневшей от соленых штормов. Аннета достала из кармана тяжелый латунный ключ с биркой из плотного картона, подписанной от руки «14». В замочной скважине ключ провернулся со скрежетом, словно сопротивляясь чужаку. Аннета поежилась от пронизывающего ощущения сырости и спертости запаха старости, лежалых газет и пчелиного воска. Этот запах она знала слишком хорошо так пахнет одиночество, у которого не осталось наследников. Когда человек умирал, его вещи первыми сдавали позиции. Пыль оседала ровным, серым бархатом на поверхности, стирая границы между дорогим фарфором и грошовыми сувенирами.

Она оказалась в узком коридоре. Обои в блеклый цветочек — когда-то, возможно, розовый, — местами отошли от сырости и свернулись в трубочки. Аннета сделала прошла вперёд. Пол под её ногами противно закричал.

Справа гостиная... Или мастерская? От соседки узнала, что повредив ногу в юности, Жан-Люк Шавель редко выходил наружу, превратив дом в ковчег для раненых инструментов. Повсюду стояли пианино — не меньше пяти. Безмолвные, со снятыми верхними панелями, обнажали внутренности — ряды молоточков, обтянутых серым войлоком, медные струны, похожие на обнажённые нервы, колки, покрытые тонким слоем ржавчины. Комната выглядела как анатомичка, где препарировали музыку.

На круглом столе посреди комнаты лежала раскрытая тетрадь в бордовом коленкором переплёте. Рядом — жестяная банка из-под табака, в которой вместо сигарет лежали медные винты, лоскуты сукна и старая деревянная щётка с жёсткой щетиной.

Аннета не торопилась прикасаться к вещам, ей необходимо сначала соприкоснуться с пространством, почувствовать ауру. Люди оставляли следы только на вещах, которыми пользовались каждый день. На подлокотнике старого вольтеровского кресла обивка протёрта до дыр — значит, Жан-Люк сидел тут, положив левую руку на подлокотник, и смотрел в окно.

А за окном — только грязная стена рыбного склада и узкая полоска Ла-Манша в раме. Да, картина — так себе.

Она провела пальцем по клавишам ближайшего инструмента, дряхлого «Плейеля» конца девятнадцатого века, благородного, но уставшего. Клавиши из слоновой кости пожелтели и потрескались. Аннета мягко нажала на фа-диез первой октавы. Звук вышел глухим, дребезжащим, с долгим, болезненным эхом, ей почудилось, что пианино кашляет пылью.

— Он не любил эту ноту, — раздался от двери скрипучий голос мадам Жервез. Соседка стояла на пороге, прислонившись к косяку, и наблюдала за Аннетой взглядом злым, но любопытным.

— Почему? — спросила Аннета, не оборачиваясь.

— Говорил, что фа-диез воняет гарью. Сумасшедший, что с него взять, ха-ха, настройщик, который ненавидел идеальный строй. Он говорил, что идеальный строй — враки для тех, у кого нет сердца. Жизнь фальшивит, мадемуазель Клэр, и музыка должна фальшивить, так он говорил.

Старуха прошуршала фетровыми тапками по пыльному паркету в комнату.

— Зря приехали, мадемуазель! — старуха скривила губы. — Не найдете вы никаких родственников, один он как перст, как сюда пешком, аж из Дьеппа, хромой притопал с одним фанерным чемоданчиком. Э-э, в сорок шестом, если не изменяет память. Так вот, местные сначала косились на него, время было такое, сами понимаете, послевоенное — не до реверансов. — Аннета кивнула для приличия, откуда ей, родившейся гораздо позже окончания войны, было понять. — Все друг друга подозревали: кто с кем спал при немцах, а этот рыбу продавал втридорога, тот вон доносы писал, а кто и прислуживал полицаем. А Жан-Люк-то все один, а еще оказался не из болтливых, настраивал пианины за миску рыбной ухи и краюху лепешки, потом обжился, сплетен избегал, да и не мешал жить людям добрым.

— У него совсем никого не было? Ни женщин, ни друзей?

Мадам Жервез горько усмехнулась.

— Женщины любят тех, кто умеет развешивать на уши комплименты или приносить домой деньги. А Жан-Люк не делал ни того, ни другого, а болтал только со своими роялями. Э-э, хотя припоминаю, была, одна... Элен, кажется, — мадам Жервез неожиданно сплюнула прямо на паркет, и расшитым тапочком растерла. — Жила на ферме за городом. Красивая, эх, и гордяхка. Помню, в синем моднучем пальто ходила, а другие пигалицы ей завидовали, говорят, отец-портной сшил его из старой шинели какого-то офицера. Все в неё плевали, а Жан-Люк... все пялился на нее, да вздыхал.

— И как ее найти?

— Никак, исчезла она, — мадам напряглась, плечи приподнялись, отчего напомнила тряпичное чучело в панаме. — Э-э, вроде бы спустя год как объявился Жан-Люк. Люди болтали, не вышла утром на работу и всё. Отец искал её в гавани, думал, утопилась, но тело так и не нашли. Знаете, море всегда возвращает, что забрало, мадемуазель Клэр. Если тело не всплыло — значит, сбежала. Или... упаси. Боже, — старуха перекрестилась, отводя взгляд.

Повисла пауза, слышно было лишь сипящее дыхание мадам Жервез и грохот прибоя за окном в унисон с ором чаек. Аннета повернулась к столу, открыла серую тетрадь, полистала, — обычный дневник настройщика. Аккуратные, почти каллиграфические записи чернильной ручкой: даты, имена, названия инструментов, адреса ферм и городских квартир.

«12.03. 52 г. Мадам Легран. „Гаво“. Замена трех струн в басовом регистре. Чертова сырость в гостиной убивает деку». «18 мая 55 г. Аббатство Бенедикт-ев. На органе пыль забивает пищали, нужно бы сделать полную очистку».

Аннета, бегло просматривая страницы, думала, что пятьдесят лет — это целая жизнь Фекана, будто в ее руках медкарта болезней, только пациентами были не люди, — она чихнула, помотала головой, и когда снова пролистнула тетрадь, взгляд привлекла странность: в самом

начале, на форзаце, несколько страниц аккуратно срезаны, очень похоже, что бритвой. Остались лишь узкие полоски бумаги, у самого корешка смогла разобрать кусочек даты: «...ября 44 г», чуть ниже написано уже другим почерком — торопливым, с заостренными буквами: «... не покидай меня». Рядом нарисованы три ноты, и три жирные расплывшиеся точки. Аннета присмотрелась, мысленно поблагодарив маман за привитую любовь к игре на фортепиано.

— До. Ми. Соль, — произнесла она вслух. — Ха, самое простое, базовое звучание, с него начинают изучать сольфеджио.

— Мадам Жервез, — тихо позвала Аннета. — Вы сказали, Жан-Люк пришёл сюда в сорок шестом, но эта запись датирована сорок четвёртым. И сделана она здесь, в Фекане. — Аннета указала на едва различимый фиолетовый штампик — размером с кошачий коготь. Круглый, расплывшийся от сырости оттиск: «Papeterie Banse, Fécamp», а «Банс» — старейшая типография и бумажная лавка в Фекане, работающая с XIX века. В сорок четвёртом бумагу в Нормандии выдавали по карточкам строго по месту регистрации, поэтому Жан-Люк не мог купить этот блокнот ни в Руане, ни в Париже. Только там, у порта.

Старуха медленно подошла к столу. Её подбородок мелко задрожал. Она напялила очки, болтавшиеся на резинке, вгляделась во фрагменты страниц, и на лице мадам Жервез застыло выражение, которое Аннете не понравилось — то ли испуг, ведь вспоминать военные годы человеку, пережившему оккупацию нелегко. То ли что-то ещё?

— Ничего об этом не знаю, — поспешно сказала она. — Я тогда девчонкой совсем была. Мы жили на другой стороне порта. Отец работал на верфи у немцев, мы не совались в дела тех, кто жил у скал.

— Но вы ведь помните Жан-Люка до сорок шестого? — Аннета приблизилась к ней, миролюбиво улыбнувшись, её голос стал мягким, обволакивающим — профессиональный приём, когда нужно ослабить защиту интервьюируемого. — Он ведь был здесь во время войны?

— Все были здесь, мадемуазель, — отрезала мадам Жервез и отступила назад, к выходу. — Те, кто выжил. А те, кто не выжил, лежат на кладбище за церковью Святого Этьена или на дне Ла-Манша. Спросите у моря, оно здесь дольше всех живёт.

Она развернулась и почти бегом, насколько позволяли её старые колени, выскочила из дома. Дверь за ней захлопнулась, пустив по комнате волну холодного сквозняка. Аннета осталась одна. Сквозняк качнул люстру с пыльными стеклянными подвесками, и они зазвенели, будто разбивающиеся хрустальные бокалы. Снова посмотрела на фрагменты страниц. Кому принадлежал этот торопливый, острый почерк? Писал явно не Жан-Люк с его округлыми, уверенными буквами.

Аннета присела на корточки перед старым «Плейелем». Запах пыли стал гуще, она чихнула и, потерев нос, заглянула под клавиатуру, туда, где крепились педали. Там, в самом тёмном углу корпуса, прикреплённый к деревянной панели обычным канцелярским скотчем, превратившимся от времени в хрупкую жёлтую корку, лежал конверт из плотной обёрточной бумаги.

У Аннеты перехватило дыхание. Вот ради чего она когда-то ушла из практической психологии в генеалогию. Ради этого момента, когда мёртвые с того света передают привет, протягивая руку через пропасть лет, а рукопожатие оказывается на удивление тёплым. Осторожно потянула за край бумажного пакета. Скотч с сухим шелестом отвалился, рассыпавшись мелкой жёлтой пудрой на её колени. На конверте без адреса только имя, написанное тем же почерком, острыми, угловатыми буквами и в точности такого же цвета чернилами, которые она только что видела на обрывке страницы:

«Анри».

Внутри конверта обнаружила черно-белую фотографию, пострадавшую от сырости: края пошли коричневыми пятнами, но изображение в центре сохранилось неплохо. На фоне белых феканских скал стоял молодой мужчина в форме вермахта без фуражки. Ветер растрепал его

светлые волосы. Он улыбался — открыто, по-детски, засунув руки в карманы галифе. Рядом с ним сидел тощий сеттер. Мужчина не был похож на завоевателя мира, не то что Франции, сдавшейся без боя, и больше напоминал мальчишку, которого нарядили в суконный мундир и для роли в театральной постановке.

Аннета перевернула снимок. На обороте карандашом, еле разборчиво: «Fécamp, Octobre 1943. К.». Она отложила снимок и заглянула в пакет. На дне притаилась маленькая плоская коробочка из вишнёвого дерева. На крышке — полустёртая инкрустация в виде крошечной скрипки.

Аннета осторожно открыла её. На красном, чудом сохранившемся бархате дождался её металлический камертон. Он потемнел, покрылся благородной патиной, на его ножке выгравировано клеймо мастера: «A. Meinel. Klingenthal. 1938». Немец, догадалась Аннета.

Она взяла камертон двумя пальцами и сразу же почувствовала лед металла, почти обжигающий. Аннета ударила камертоном по колену и поднесла его к уху: чистый, протяжный звук наполнил затхлую комнату, вибрируя в пальцах, поднимался к потолку и отражался от корпусов умерших пианино.

Нота Ля, 440 герц.

Стандарт, по которому настраивают инструменты, чтобы гармонично звучали вместе. Но в этой пустой, провонявшей солью безжизненной комнате, звук камертона звучал криком о помощи человека, который слишком долго молчал.

Аннета закрыла глаза. Ей показалось, что сквозь гул Ла-Манша за окном она слышит, как кто-то прикасается к клавишам в соседней, несуществующей комнате, медленно, неуверенно.

До. Ми. Соль.

Открыв глаза, обнаружила, что за окном стремительно темнело. Морось превратилась в ширму ливня, вода стегала с силой по стёклам, словно пытаясь прорваться внутрь, смыть, стереть этот дом, все пианино и её саму.

Аннета аккуратно положила в футлярчик камертон и спрятала с пакетом в сумку. Её расследование только что перестало быть сухой юридической процедурой. В деле настройщика пианино Жана-Люка Шавеля появился третий лишний.

Немецкий солдат по имени Анри, который оставил свой голос в теле старого французского инструмента.

Дорога к кладбищу Святого Этьена вела через весь город.

Фекан засыпал рано. В седьмом часу вечера улицы уже опустели. Редкие фонари раскачивались на ветру, скрипя и отбрасывая на мокрый асфальт длинные, причудливые тени. Дома из серого кремня и тёмного кирпича прижимались друг к другу, словно пытались согреться, плотно закрыв уставшие глаза-окна деревянными ставнями. Местные не любили показывать свою жизнь чужакам. Она представила, как за дверьми с массивными засовами сидели феканцы на кухонке, распивая дешёвый сидр, чистили рыбу, смотрели телевизор и молчали о том, о чем во Франции не принято говорить вслух даже спустя восемьдесят лет после того, как ушёл последний немецкий солдат.

Кладбище ютилось на самом высоком холме, за старой романской церковью. Аннета припарковала машину у железных ворот. Дождь барабанил по крыше «Пежо» с яростью пулемёта. Она достала фонарик из бардачка, глубоко вздохнула и вышла в шторм, проклиная своё любопытство.

Запахнув до упора молнию на канареечной непромокаемой куртке, включила фонарик на телефоне и осмотрела могилы. Удивилась — кругом массивные гранитные плиты, догадалась сразу же — камни не давали покойникам выскользнуть в море во время зимних оползней. Многие надгробия украшали фарфоровые венки с блеклыми розами и фотографии под

толстым стеклом, потемневшие от сырости. Она направилась в глубь, сделав несколько шагов, оторопела — дождь точно кто-то выключил там, наверху.

Она продолжила поиск в лучшем настроении — нужно найти свежую могилу. Жана-Люка Шавеля похоронили три недели назад за счёт коммуны без прощаний и речей. Только священник, могильщик и, возможно, мадам Жервез, она ни за что не пропустила бы это действие, чтобы убедиться — какофонии из соседского дома больше не услышит.

Аннета нашла его захоронение в самом дальнем углу, у северной стены, за которой начинался обрыв. Грубо вытесанный деревянный крест с пластиковой табличкой: «Жан-Люк Шавель. 1921 – 2024». Быстро сосчитав в уме, даже присвистнула.

— Ого! Сто три года, да он прожил больше века. И видел конец прекрасной эпохи... а потом война, оккупация, восстановление страны, появление интернета, который так и не вошёл в его дом. Забавно, конечно, провёл жизнь, настраивая инструменты для тех, кто танцевал на вечеринках в честь освобождения, и тем, кто плакал на похоронах коллаборационистов.

Аннета посветила фонариком на подножие креста. Среди мокрой травы и прошлогодних листьев заметила что-то странное. Букет? Хм, три цветка дикого вереска, перевязанные бечёвкой. Она подняла за кончик верёвки загадочный пучок, оглядела. Интересно, от кого это? Так-то, вереск растёт только на самых вершинах скал. Положила букет назад и разглядела наполовину засыпанную мокрой землёй обычную пианинную клавишу, белую, из дешёвого пластика — такие ставили на инструменты во второй половине двадцатого века.

Аннета наклонилась и подняла деталь, приблизила фонарик. Клавиша оказалась без потёртостей и царапин, словно никогда не касались её руки, а положили сюда совсем недавно. Незадолго до её прихода. Она перевернула находку. На обратной стороне клавиши маркером написано одно слово:

«Клэр».

Аннета застыла. Её собственная фамилия!

Холодная капля дождя скатилась по лбу, забралась в глаз, но она даже не моргнула. Ветер над обрывом взвыл с новой силой, и в этом вое и шуме прибое ей на мгновение послышался смех, даже море внизу смеётся над ней. Самоуверенный нанятый детектив, который с лёгкостью раскопает ещё одну семейную тайну, заберёт свой гонорар и вернётся в Париж.

Мёртвые знали её имя...

Глава 2. Маркус

Упрямый дождь не сдавался. Ла-Манш из последних сил встал на дыбы и теперь оседал на меловых утесах, стекал по склонам суглинком. Аннета стояла у деревянного креста, сжимая в кармане плаща клавишу. «Клэр». Одно небрежно написанное слово ввело ее в ступор, хотя буквы слегка расплылись от влаги, но часть химической красителя отпечаталось, словно клеймо. Она знала, что в генеалогии случайностей не бывает. А вот не найденные факты очень осложняют работу.

Тот, кто оставил на могиле клавишу, знал, что она придет. Это еще можно объяснить, но откуда известна девичья фамилия матери, которую Аннета носила как бронежилет после развода родителей. Слезы смывал дождь, плащ лип к лопаткам, холод вернул ее в реальность. Она оглядела кладбище — никого, кроме гранитных плит, казавшихся спинами огромных китов, выбросившихся на побережье. Свет ее карманного фонаря выхватывал из темноты то крест с остатками искусственных цветов, то понурюю ангельскую голову из песчаника, обкусанную соленым ветром. Только внизу, у подножия холма, тускло мерцали редкие желтые окна портовых таверн, похожие на тлеющие угли в остывающем камине.

Аннета спустилась к машине, костеря нотариуса, Жан-Люка, Фекан. Скользя ботинками по размокшей траве, подбежала к машине. Онемевшими пальцами дернула дверную ручку «Пежо» и юркнула внутрь, не с первого раза включила зажигание. Растерла руки. В тепле понемногу отступила тревога. Аннета, спохватившись, включила щетки, потому что лобовое тут же запотело. В салоне пахло влажной тканью от сидений и любимым, хоть и дешевым ванильным освежителем, который купила на заправке под Руаном. Она положила клавишу на приборную панель. В тусклом свете салонной потолочной лампочки пластиковый брусок выглядел обломком кости. «Клэр. Нет, совпадения исключены», — решительно мотнула головой Аннета и включив первую передачу, тронулась пробуксовывая.

Выехав на трассу, Аннета силилась вспомнить, была ли ее мать, Тереза Клэр, в Нормандии. Во всяком случае, она никогда об этом не говорила. Тереза — аккуратная, с вечно поджатыми губами и руками, будто прибитыми к телу, которые пахли лавандовым мылом и вазелиновым кремом от сухости кожи. И вся она была похожа на гипсовую статую. А как еще могла выглядеть преподавательница сольфеджио в консерватории десятого округа, Аннета не знала. Тереза требовала от дочери точности и исполнительности во всем: в заправке постели, чистке обуви, чистоте помыслов.

«У тебя нет таланта к музыке, Аннета, — частенько говорила она без злобы, просто констатируя факт, словно проверяя настройку инструмента. — Но у тебя есть терпение, чаще это важнее таланта. Старайся лучше». И Аннета старалась, чувствуя себя личным маминым музыкальным инструментом.

Тереза умерла семь лет назад. В ее вещах не было ничего, кроме стопок нот, трех пар лайковых перчаток, одних бордовых шёлковых, ни разу не надеванных, и свидетельства о рождении, выданного в Орлеане. Ни одного документа с упоминанием о Фекане, а тем более о Жан-Люке Шавеле. Что за тайны мадридского двора?

Аннета, вспомнив, включила обогреватель, но из дефлекторов повалил лишь холодный, пахнувший пылью воздух, запотели к тому времени уже все окна в машине, она безуспешно протирала лобовое, но видимость не улучшалась. Хорошо, в такую погоду машин было мало.

Вскоре эта изощренная пытка ей надоела, захотелось выпить. Где? А все равно где, лишь бы там было сухо. Посмотрела в навигаторе ближайшую кофейню. О-о, гостиница «У старой сушильни». То, что надо! Она повернула «Пежо» на указателе. Читала в газете, что этот отельчик сделали в бывшем здании коптильни трески на окраине порта — уютное трехэтажное

строение из черного кремня и красного кирпича, от постоянной сырости покрывшегося белесым солевым налетом.

За стойкой при входе сидел мужчина средних лет с лицом цвета сырой говядины и тяжелыми, как пивные кружки, кулаками. Он даже не поднял глаз, когда Аннета вошла, оставляя за собой мокрые следы на старых половицах. За спиной у администратора находился крошечный бар, провонявший кислым сидром и жареным луком.

— Комната номер четыре, мадемуазель, — прохрипел он, махнув газетой в сторону деревянной лестницы, когда Аннета дошла до ресепшена. — Отопление я включил, но труба на стыке подтекает, подставьте таз, если начнет капать. В такую погоду жестянщики не работают. Они все в порту, пьют кальвадос и ждут, пока утихнет море. Зовите, если что. Я хозяин этого места.

Аннета прочла на бейджике: «Оноре Ле Галль»

— Месье Ле Галль, — Аннета остановилась у первой ступеньки. Капюшон её плаща все еще сочился водой. — Вы случайно не знали настройщика Шавеля?

Рука трактирщика с газетой на секунду застыла, он медленно повернул голову. Аннета обратила внимание на его маленькие, слезящиеся, окруженные густой сеткой красных сосудов глаза — профессиональная деформация тех, кто слишком много времени проводит у плиты или с бутылкой.

— Хм, все знали Жана-Люка, — сухо сказал Ле Галль. — Он не раз настраивал пианино моей матери. И пианино в зале для собраний мэрии. Хороший был старик. Тихий, из тех, кто не лезет в чужие дела.

— А Элен? Вы помните Элен?

Ле Галль нахмурился, его ворсистые брови сошлись у переносицы, сделав его похожим на старого бульдога.

— Какую еще Элен? В Фекане половину женщин зовут Элен, а вторую половину — Мари. Если вы про дочку старого Дюрана с фермы у трех ручьев, так она померла еще до того, как я научился ходить. Журналистка что ли?

— О, нет, помощник нотариуса, — соврала Аннета.

— А-а... Элен утопла или сбежала с кем-то из англичан после войны. Кому теперь до этого дело? Идите спать, мадемуазель Клэр. Ночью обещают шторм девять баллов. В такую погоду лучше думать о живых. Мертвые и сами отлично справляются.

Аннета поднялась в номер, раздумывая, откуда и он знает ее фамилию.

Комната под самой крышей оказалась совсем крошечной, со скошенным потолком, как на мансардных этажах старых домов, обшитым потемневшими от времени корабельными досками. В углу вовсю уныло звякала вода в цинковый таз из ржавой трубы. Кап-кап-кап по мозгам.

Она наконец сняла плащ, повесила его на сколотый крючок у двери. Свитер из грубой шерсти казался тяжелее, чем когда она вышла из дома. Сняла и его, кинув на спинку стула. Стащила джинсы, и оставшись в нижнем белье, укуталась в лоскутное одеяло и разложила свои находки на узкой кровати: камертон, фотография немецкого солдата, клавиша с ее именем.

Аннета достала из сумки смартфон, посмотрела на тускло светящийся экран — сети нет. От злости отбросила телефон. Откуда она могла знать, что в этой части Нормандии связь исчезла вместе с первыми каплями дождя, будто волны Ла-Манша смывали и электромагнитные волны.

Немного согревшись, перебралась на скрипучий стул возле стола. Разложила рабочую толстенную тетрадь в кожаном переплете, куда она записывала генеалогические древа. Схемы, стрелочки, кружочки, даты рождения и смерти — целый род одного человека помещался на страничке. Обычно всё выглядело просто: А родила Б, Б женился на В, у них родился Г. Но в ее случае эта схема сломалась.

Жан-Люк Шавель умер в сто три года, не оставив ни одной официальной бумаги, кроме свидетельства о праве собственности на этот разваливающийся дом. Вдуматься только, человек жил, когда еще правила Третья республика.

Аннета дотянулась до сумки и выудила ноутбук, открыла и мысленно похвалила себя за то, что скачала предусмотрительно перед поездкой локальную базу со списками жителей Фекана с тысяча девятисотых по тысяча девятьсот пятидесятые годы. Ввела в поисковую строку: «Шавель Жан-Люк». Вчиталась в биографию, позабыв и о капели, и о красном вине: «Родился в 1921 году в Руане. Отец — железнодорожный рабочий, мать — швея. В 1939 году призван в армию. В 1940-м попал в плен под Дюнкерком. Бежал? Освобожден по состоянию здоровья? В документах провал. Появился в Фекане в 1946 году. Получил разрешение на работу настройщиком инструментов».

Она с нетерпением ввела другое имя: «Дюран Элен».

Родилась в 1923 году в Фекане. Отец — Пьер Дюран, фермер. Мать — Мари Леруа. Запись от 1947 года: «Признана пропавшей без вести». Никаких сведений о браке, смерти или переезде, пустая графа, будто ластиком стерли человека.

И наконец, она ввела: «Генри».

Поиск выдал три сотни имен. Французские Анри, немецкие Генрихи, записанные на французский манер местной администрацией во время оккупации. Но на найденной фотографии солдат вермахта, его имя никак не могло быть в муниципальных списках жителей. Нужно искать в архивах комендатуры. А эти архивы после сорок четвертого частично сгорели, а сохранившиеся документы вывезли в Германию или Париж.

Аннета откинулась на спинку стула.

За окном ветер с силой швырнул в стекло пригоршню мелких камней, а может, соляной крупы, поднятой бурей с пляжа. Здесь, на побережье, даже штормовой ветер провонял солью, которая въедалась во все щели, оседала на губах, заставляла слезиться глаза. Аннета не любила Фекан, и меньше всего в жизни хотела бы здесь оказаться снова, хорошо, что бывший, Луи, здесь больше не жил.

Она взяла в руки фотографию немецкого солдата. «Анри». Кто он? Настройщик? Музыкант, ставший солдатом? Почему Жан-Люк хранил его фото под клавиатурой пианино больше семидесяти лет, а если брат? Погиб?

В генеалогии есть негласное правило: если хочешь понять мертвых, ищи то, что они пытались спрятать. Люди всегда что-нибудь да скрывают, и обычно хранят в подполе, закапывают в могилы, зарывают на садовых участках, несут в банковские ячейки свой страх или то, что они любят больше жизни. Иногда это одно и то же.

Аннета закрыла глаза, почувствовав голод и усталость, запущенный желудок разнылся. Она не хотя встала, доплелась к холодильнику, нашла бутылку воды и упаковку круассанов. Смолотила. И легла на кровать, укрывшись одеялом. Перед её мысленным взором возник бледный рапльчатый образ матери, сидящей с прямой будто в корсете спиной, за старым «Гаво» в их парижской квартире. Наглухо задраенная в серое платье воротником-стойкой. Как же Аннета ненавидела этот бессменный материн наряд. Пальцы — длинные, сухие, с идеально подстриженными ногтями — двигались по клавишам с механической точностью. Она явственно услышала мелодию Баха, прелюдию до-минор. Музыка без единой эмоции, так, наверное, звучит ткацкий станок на фабрике.

«Музыка — это не чувства, Аннет, — услышала она, ощутив себя снова нелюбимой дочерью, голос Терезы. Она редко поучала, глядя в глаза. — Музыка — это математика. Расстояние между нотами должно быть идеальным. Стоит ошибиться на одну десятую тона, и гармония превращается в грязь. Не позволяй себе фальшивить. Ни в музыке, ни в жизни».

Аннета вытерла уголком одеяла глаза и усилием воли вернула себя в настоящее. Почему же тогда Жан-Люк Шавель писал, что идеальный строй — ложь?

Повернулась на спину, открыла глаза. Ритм капли изменился, неужели вода стала гуще? Так бывает? Аннета повертелась на постели и поняла, что не уснет. Эта комната, запах рыбы и сырого дерева из всех щелей душили. Ей нужно было движение. И отсутствие воспоминаний.

Она накинула все еще влажный плащ и вышла в коридор. Внизу, в баре, светилась единственная лампа под абажуром цвета зеленого горошка. За стойкой никого, но у окна, за угловым столом, заметила мужчину. Перед ним стояла недопитая бутылка светлого пива и раскрытая папка с какими-то бумагами. Он читал, придерживая страницу левой рукой, на которой не хватало половины безымянного пальца. В Аннете незнакомец тут же разбудил любопытство, она села на соседний столик, пытаясь разглядеть культию и угадать его профессию. Спасатель? Закинула ногу на ногу и стул предательски скрипнул. Мужчина поднял голову. Аннета виновато улыбнулась и кивнула приветственно. Тот кивнул в ответ. Зато успела рассмотреть лицо, симпатичный, но явно много времени проводит на открытом воздухе, но это не загар, скорее кожа обветренная, с легкой краснотой на скулах, короткая щетина с проседью на подбородке. Глаза — светлые, как зимнее море, когда успокаивается после трехдневного шторма. Во взгляде посетителя не было ни дружелюбия, ни агрессии. Читалась глубокая, въевшаяся в его сутуловатую фигуру усталость и профессиональное любопытство человека, привыкшего разглядывать мелкие детали.

На вид Аннета дала бы ему не больше сорока. Одет простовато: темно-синий шерстяной свитер с растянутым горлом — такой же, как у большинства местных рыбаков, но из-под рукавов виднелись манжеты чистой, хоть и не глаженной рубашки. Нет, сто процентов не рыбак...

— Вы мадемуазель Клэр? — неожиданно спросил он низким, шершавым голосом с нормандским акцентом, который Аннета терпеть не могла. — Нотариус Дюпон предупреждал, что вы приедете. Я Маркус. Маркус Дюамель. Можно, просто Марк.

Он привстал, соблюдая правила этикета, Аннета это отметила, и под села за его столик не дожидаясь приглашения. Вблизи от него пахло табаком и чем-то терпким с примесью хвойного аромата. Незнакомец источал уверенность.

— Вы архивист? — спросила наобум, оглянувшись, не подошел ли бармен.

— Я директор городского морского музея, — Марк загадочно улыбнулся, Аннета догадалась, ждет ее реакции. Она деланно удивилась. — Звучит громко, правда? На самом деле мой музей — это три комнаты в старом аббатстве, десяток полусгнивших рыбацких сетей на стенах, три судовых журнала девятнадцатого века и несколько ржавых гарпунов. И еще — муниципальный архив, который никому не нужен, кроме редких сумасшедших, пытающихся доказать, что их прадедушка владел половиной портовых складов.

Он закрыл папку. Аннета успела заметить на обложке штамп: «Комендатура Фекана. 1940-1944».

— Вы тоже искали информацию о Жане-Люке Шавеле? — предположила она.

Марк скользнул взглядом по ее рукам, лежащим на столе. Аннета непроизвольно убрала руки под стол, пряча застарелую мозоль на среднем пальце и отсутствие маникюра. Он заметил, его брови на мгновение приподнялись.

— Жан-Люк был моим другом, — тихо сказал Марк. — Если это слово вообще применимо к человеку старше меня на шестьдесят лет. Он настраивал инструменты в моем музее. Бесплатно. Приходил раз в месяц, садился перед нашим старым «Эраром» сорокового года и молча делал свою работу. Мы никогда не разговаривали. Но иногда... он оставлял мне записки. Вы сейчас спросите, как же мы подружились. Угадал?

— Нет. А какие записки? — она подалась вперед.

Марк запустил руку под свитер и достал из нагрудного кармана рубашки крохотную бумажную полоску — пожелтевший обрывок газеты и аккуратно разгладил его на столе перед Аннетой.

Она заинтересованно наклонилась, почти впритык, потому что света от торшера было недостаточно. На клочке карандашом нарисованы три ноты. Те же самые. До. Ми. Соль.

Аннета почувствовала, как под кожей пронесся озноб. Она открыла свою сумку, достала тетрадь Жана-Люка и положила ее рядом.

— На форзаце его дневника вырезаны страницы, — сказала она, указывая на узкие полоски бумаги у корешка. — Там часть даты, вот видите: «ябрь 1944 года». И эти же три ноты. Думаю, ноябрь, октябрь, сентябрь, что они значат, Маркус? Нет мыслей?

Марк, не отводя взгляда от тетради, постучал пальцами правой руки медленно и ритмично, так-так-так, они касались стола, Аннета же слышала шаги по мокрой гальке.

— В сорок четвертом, перед самым отступлением, немцы заминировали порт, — заговорил он, глядя мимо Аннеты в темное окно, за которым бесновался Ла-Манш. — Они планировали взорвать все: верфи, склады, ратушу. Представляете, весь нижний город должен был взлететь на воздух, но... взрыва так и не случилось, кто-то перерезал провода в главном распределительном щите под скалой Сен-Никола. Немцы устроили облаву, поймали и расстреляли десятерых местных рыбаков. Но диверсанта так и не нашли.

Марк замолчал, сделав глоток пива.

— Мой дед был среди тех рыбаков, — тихо добавил он. — Его звали Анри Дюамель. Он выжил по чистой случайности — немецкий офицер, руководивший расстрелом, увидев, что после третьей очереди один еще шевелился, махнул рукой и сказал, что девяти тел достаточно для отчета. Его бросили там умирать в назидание, но он смог доползти к другу. — Марк посмотрел на Аннету, и цвет его глаз изменился, такого цвета воду она видела лишь в Ницце. — Дед до конца жизни не мог спать без света. И, самое интересное, он возненавидел музыку. Говорил, что в ночь перед расстрелом из комендатуры, она располагалась тогда в отеле «Гранд-Васс», доносились звуки пианино. Кто-то играл одну и ту же мелодию. Снова и снова. Эти самые До. Ми. Соль. Три ноты, мадемуазель Клэр, будто кто-то настраивал инструмент.

Аннета слушала его, боясь шевельнуться. Ветер снаружи завывал так, словно пытался сорвать крышу со «Старой сушильни». Марк протянул ей недопитую бутылку, она сделала глоток.

— А кто перерезал провода, нашли этого человека? Ну не-е-ет... вы же не думаете, что это сделал ваш друг? Настройщик пианино точно не мог, — она в несколько глотков допила светлое и поставила пустую бутылку так, будто последнее слово всегда остается за ней. — У него была повреждена нога. Он хромал. И мадам Жервез сказала, что он пришел в город только в сорок шестом.

— Жервез много чего говорит, — Марк горько усмехнулся. — Она собственной тени и той боится. И правильно делает. В этом городе у каждого второго в подвале припасено серебряных сервисов, украденных из комендатуры во время паники в августе сорок четвертого. Жан-Люк пришел сюда не в сорок шестом, а был здесь всю войну. Просто жил под другим именем.

— Под каким? — Аннета чувствовала, что на пороге раскрытия тайны.

Марк открыл папку и нашел потрепанный лист с орлом, свастикой и синей печатью, верхняя часть документа заполнена немецкими буквами. Ниже дублировался текст на французском, от руки. В верхнем правом углу место для фотокарточки. Она отсутствовала.

— Это список вольнонаемных рабочих, допущенных к обслуживанию немецких офицерских клубов в Фекане и Дьеппе за 1943-й год.

Он провел пальцем вниз по списку имен, напечатанных на пишущей машинке с характерным немецким шрифтом. Палец остановился на строчке:

«Менье Жан. Настройщик. Спецпропуск 412. Допущен в зону "А"».

— Это его настоящее имя? Неужели он работал на них? — почти шепотом произнесла Аннета.

— Все на них работали, — Марк пожал плечами, и в этом движении было столько нормандского фатализма, что Аннете стало не по себе. Он встал, зашел за барную стойку и достал из маленького холодильника две бутылки светлого пива. Открыл, одну поставил перед собеседницей и как ни в чем не бывало продолжил, отхлебнув из своей: — Кто-то пек им хлеб, кто-то чистил их сапоги, кто-то стирал их белье. Но Жан-Люк... он был особенным. Он настраивал инструменты в их штабах и слышал разговоры. Жан-Люк всегда был в курсе, когда офицеры напивались и болтали лишнее — идеальный шпион или идеальный предатель. Зависит от того, с чьей стороны посмотреть.

Аннета вспомнила о фотографии светловолосого солдата с собакой на фоне белых скал.

— А Анри? — спросила она. — Я не про вашего деда. Меня интересует немецкий солдат по имени Анри. Вы случайно не встречали это имя в документах?

Марк посмотрел на нее с удивлением. Его глаза сузились.

— Откуда вы знаете про Анри?

Аннета помедлила долю секунды в нерешительности. Внутренний голос нашептывал, что раскрывать сразу все карты незнакомцу, хоть и симпатичному — глупость несусветная. Но Аннета прежде всего генеалог, чаще прислушивалась к профессиональной чуйке: в ее деле кредит доверия выдают редко и малыми траншами — промедлишь, и счёт закроют навсегда.

Она достала из сумки полиэтиленовый пакет, вытащила конверт с фотографией и положила ее на стол рядом со списком рабочих. Марк вгляделся в лицо задорно улыбающегося парня на снимке. Его пальцы сжали край стола так, что побелели ногти.

— О боже, — тихо выдохнул он. — Это же Генрих. Генрих Мейнель. Обер-лейтенант Абвера. Это он руководил службой безопасности в порту Фекана в сорок третьем.

— Мейнель? — Аннета мгновенно вспомнила гравировку на камертоне: «А. Мейнель. Клингенталь. 1938». — Это его камертон? Его семья делала музыкальные инструменты? — она тут же достала из пакета и раскрыла крохотный футляр и поднесла ближе к Марку.

— Клингенталь — это город музыкальных мастеров в Саксонии, — Марк кивнул, не отрывая взгляда от фотографии. — Мой дед говорил, что этот парень, Мейнель, был странным фашистом. Он ненавидел войну и постоянно таскал с собой этот камертон, говорил, талисман, а иногда заставлял местных девчонок петь старые немецкие песни. Нес чушь, что-то вроде: «Ла-Манш фальшивит, и его нужно настроить». Чудак, одним словом. Местные называли его безобидным пацифистом, помешанным на музыке. До тех пор, пока в ноябре сорок четвертого он не приказал расстрелять тех людей.

— Это он приказал? — Аннета почувствовала, как внутри нее будто что-то оборвалось. Романтический образ мальчика со снимка, который улыбался ветру, рассыпался меловой крошкой.

— Он, — Марк кивнул. — Подпись под приказом о расстреле принадлежит ему. Я видел этот документ в архиве департамента в Руане. «Обер-лейтенант Г. Мейнель».

Они замолчали, позабыв о пиве и времени. Бар захватила тишина, под тряпичным зеленым торшером помигивала лампочка и лишь ветер, воющий за окном, нарушал молчание. Аннета сунула руку в карман ветровки и сжала в кулак клавишу, немного помедлила и все же выложила на стол.

— Это лежало на могиле Жана-Люка. Сегодня вечером. Кто-то положил её туда перед моим приходом.

Марк взял кусок пластика, перевернул, прочитал надпись и нахмурился еще сильнее.

— «Клэр». Это ваша фамилия?

— Да.

— Ваша семья никогда не жила в Фекане?

— Моя мать родилась в Орлеане, — Аннета покачала головой. — Хотя... она была учительницей музыки, но...

— Ваша мать играла на пианино? — Марк перебил её, а в голосе появились резкие нотки, почти обвиняющие.

— Да, я же говорю, она преподавала музыку. В консерватории.

— Как её звали? Полное имя.

— Тереза Клэр. Но её девичья фамилия... — Аннета осеклась.

Она хорошо помнила, что написано в свидетельстве о рождении матери, потому что оформляла документы на наследство после её смерти.

«Тереза-Элен Клэр».

Мать никогда не пользовалась вторым именем, говорила, что звучит оно слишком провинциально.

— Элен, — тихо произнесла Аннета и почувствовала, как взмокли под мышками и пересохло в горле. — Её звали Тереза-Элен.

Марк медленно поднялся из-за стола, подошел к окну, за которым сквозь потоки воды едва угадывались силуэты портовых кранов, похожих на гигантских доисторических птиц.

— Элен Дюран пропала в сорок седьмом году, — сказал он, не оборачиваясь. — Но перед тем, как исчезнуть, родила ребенка. Девочку. В приюте при аббатстве Бенедиктинцев сохранилась запись о крещении. Малышку назвали Терезой, но по воспоминаниям старых монахинь, мать отказалась от неё и уехала. Куда, никто не знал. Ребенка удочерила семья школьного учителя из Орлеана по фамилии Клэр.

Аннета слушала его, и ей казалось, что пол под её ногами раскачивается, как палуба корабля во время качки.

Расследования чужих жизней, которые она маниакально препарировала — все предыдущие истории рухнули в бездну по сравнению с собственной. Она приехала сюда, чтобы найти наследников сумасшедшего настройщика пианино, но наследницей была она сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.